

ВЛАДИМИР ПАСТУХОВ

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНСТИТУЦИЯ

В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

ГОСУДАРСТВО ДИКТАТУРЫ ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТА

Владимир Пастухов

**Революция и конституция
в посткоммунистической
России. Государство диктатуры
люмпен-пролетариата**

«ВЕБКНИГА»

2018

Пастухов В. Б.

Революция и конституция в посткоммунистической России.
Государство диктатуры люмпен-пролетариата / В. Б. Пастухов —
«ВЕБКНИГА», 2018

ISBN 978-5-94-282830-1

Владимир Пастухов – философ, юрист, публицист, исследователь российской политики, доктор политических наук, автор книг «Реставрация вместо реформации», «Украинская революция и русская контрреволюция», постоянный автор «Новой газеты», Русской службы ВВС, Republic.ru, Полит.ру, Эха Москвы, МБК.Медиа и других изданий. Родился на Украине, где окончил юридический факультет Киевского университета, в течение двадцати лет занимался научной и практической работой в Москве, последние десять лет живет в Лондоне, в настоящее время является исследователем в University College London. Член Московской коллегии адвокатов, политический консультант, принимал участие в качестве защитника в деле Hermitage и других резонансных юридических процессах современной России.

ISBN 978-5-94-282830-1

© Пастухов В. Б., 2018
© ВЕБКНИГА, 2018

Содержание

Предисловие автора	5
Введение	7
Часть I	11
Глава 1	12
Предопределенность русской революции	12
Русская революция и авторитарная власть	13
Революция, данная нам в ощущениях...	14
Жизнь в ожидании извержения	15
Глава 2	17
Глава 3	25
Есть у революции начало, нет у революции конца...	25
Невыполненная миссия и «советский проект»	26
Соединенные Штаты Евразии	28
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Пастухов

Революция и конституция в посткоммунистической России. Государство диктатуры люмпен-пролетариата

Предисловие автора

История культуры причудливым образом закольцована. Если на заре цивилизации книги были привилегией избранных, умевших читать, то на ее закате они становятся уделом избранных, у которых осталось желание читать. При распространении всеобщей грамотности вширь круг людей, сохранивших способность усваивать тексты и тем более читать книги, резко сузился.

В сложившихся условиях есть две основных причины, побуждающие писать книги: тщеславие (для украшения интерьеров) и безысходность. Мой случай второй – я написал эту книгу в надежде на лучшие времена, когда у читающей публики снова проснется интерес к осмыслению жизни, а не к иллюстрирующим эту жизнь картинкам. В некотором роде эта книга – холодильник для ненужных сегодня мыслей-окорочков, которые, конечно, в замороженном виде будут не так хороши, как в свежем, но когда-нибудь пригодятся и они в качестве основы для интеллектуального бульона, который будут готовить уже совсем другие повара и на совсем другой кухне.

Я сам, к сожалению, не смотрю на жизнь столь оптимистично, чтобы поверить в интеллектуальную оттепель. Упрямые факты указывают на то, что интерес публики к текстам вообще и к текстам, в которых предпринимается попытка осмыслить происходящее с Россией и с миром, только неуклонно падает. Так что, скорее всего, мои «окорочка» будут похоронены в вечной мерзлоте суеты, как тушки мамонта. Я не обижусь, людей можно понять – многословие раздражает, если оно сопровождается малодействием. Что толку проникать в суть вещей, если мы не в силах поменять их природу?

Сам бы я по указанной причине никогда не решился на столь затратное и беспокойное мероприятие, как написание книги. Но моя жена Юлия, которую в повседневной жизни отличает прагматизм и абсолютно трезвый взгляд на все без исключения предметы, именно в этом вопросе вдруг проявила невиданный романтизм и упорство, заставив меня взяться за совершенно безнадежное с моей точки зрения дело. И если эта книга попадет в конце концов в чьи-то руки, то лишь благодаря ее самоотверженному труду и в еще большей степени – выдержке и настойчивости, с которыми она заставляла меня работать. Я до сих пор не могу понять, как ей удалось со мной справиться.

Именно благодаря моей жене, постоянно демонстрировавшей избыточный – на мужской взгляд – перфекционизм, эта книга является самым «интегрированным» из всех созданных мною текстов, где все главы, несмотря на то что писались они в разное время и при разных обстоятельствах на протяжении шести последних лет, объединены общей идеей и логикой. При всем этом как человек снисходительный к чужим и собственным слабостям я стремился к тому, чтобы эту книгу можно было читать, открыв наугад на любой странице, а также разбив это сомнительное удовольствие на много этапов. Поэтому надеюсь, что она не отпугнет тех, кто, как и сам автор, цепенеет при виде многостраничного фолианта.

И, конечно, эта книга никогда бы не появилась на свет, если бы не Дмитрий Ицкович, мой постоянный издатель. И не только потому, что вот уже третий раз он принимает непростое для любого издателя решение вложиться в весьма спорное с коммерческой точки зрения предприятие, а потому, что в далеком уже 2009 году он рискнул предоставить мне карт-бланш для не стесненного ничем творчества на своем сайте «Полит. ру», что привело в конечном счете к превращению меня из камерного (в хорошем смысле слова) автора журнала «Полис» в публициста, ориентированного на более широкую, чем академическая, аудиторию.

Здесь самое место поблагодарить также всех тех редакторов, без усилий, а иногда и без гражданского мужества которых эта книга никогда не сложилась бы, в том числе Сергея Соколова и Дмитрия Муратова («Новая газета»), Андрея Сеницына и Кирилла Савинова (Republic.ru), Анну Кан и Анну Дородейко (BBC, Русская служба), Ольгу Сидорович (Сравнительное конституционное обозрение, Институт права и публичной политики). Я выражаю признательность Алене Леденевой (University College London) и Полу Чести (University of Oxford), которые помогли мне в годы, пока писалась книга, не чувствовать себя оторванным от британской академической среды.

Я благодарю своих родителей за то, что и на этот раз, как всегда, они оставались со мной во всех моих начинаниях и создавали мощные стимулы довести этот проект до конца. Отдельно хочу поблагодарить своего сына Бориса за то, что за время, пока писалась эта книга, он был вдумчивым и чрезвычайно полезным критиком моих идей, существенно повлияв на мои взгляды, изложенные в книге.

И, конечно, авансом я благодарю читателей за долготерпение. По собственному опыту я знаю, что в любой книге мы ищем прежде всего совпадение с собственными взглядами и настроениями. Надеюсь, что в каком-то числе случаев я угадал.

Введение

Как нам переучредить Россию?

Русские люди в своем подавляющем большинстве сегодня испытывают ностальгию по России, «которую они потеряли», причем каждый – по своей собственной: кто – по Советскому Союзу, кто – по империи Романовых, а кто и по царской Московии. Я же принадлежу к меньшинству, скучающему по России, которой никогда не было, – России, где правит закон, перед которым все равны.

Такая Россия должна была появиться вследствие революции, которую совершило в том числе и мое поколение и результаты которой оно закрепило в «лучшей в мире» конституции, четвертьвековой юбилей которой Россия совсем скоро отметит, вне всякого сомнения, с огромной помпой (собственно, в этом году ей придется праздновать сразу два юбилея: сто лет первой российской конституции (большевистской) и двадцать пять лет последней российской конституции (антибольшевистской).

Но революция не принесла ожидаемых результатов, а Конституция превратилась в дырявый парус, который безвольно повис на мачте попавшей в глухой исторический штиль русской бригадины. Увы, но «мальчики иных веков», воспетые Павлом Коганом, явно не будут плакать ночью по времени, когда внуки большевиков безуспешно пытались повторить «подвиг» своих дедов. На смену славной революции пришла бесславная. И теперь, как бы этого ни хотелось моему поколению, ему уже не удастся переиграть проигранную историческую партию заново. Самое большее, что мы можем сделать, – это успеть ее переосмыслить (пока помним все ходы) таким образом, чтобы тем, кто придет после нас и будет сильнее нас, было легче. Ради этого я и решился на такое трудоемкое предприятие, как книга.

Бессмысленно предвирать эту книгу «кратким резюме», избавляющим тех, кто спешит, от необходимости дальнейшего чтения, – они, если захотят, и без этой подсказки найдут способ ознакомиться с ее содержанием в пересказе «великой сети». Пространство, обычно отводимое для предисловия, можно использовать с большей эффективностью: для описания того, что осталось за кадром, являясь авторским «эмоциональным субстрактом», который невозможно интегрировать в текст, но без которого этот текст никогда бы не появился на свет.

Как человек, совмещающий исследовательскую и публицистическую деятельность с адвокатской работой, я не был в жизни обделен практическим опытом познания русской действительности во всех ее многообразных и очень часто самых отвратительных проявлениях. К сожалению, труд адвоката в современной России, если он сам не становится частью «системы», напоминает работу «социального проктолога», который вынужден исследовать предмет в весьма специфическом ракурсе. И тем не менее, если бы меня спросили, что пугает меня сегодня в России более всего, в чем я вижу самый большой вызов для нее, я бы ответил, что это нехватка смелости мышления, богатства воображения и глубины фантазии.

Вызовы, с которыми столкнулась современная Россия, ни по своей природе, ни по своему масштабу нельзя назвать беспрецедентными. Нечасто, но и раньше Россия сталкивалась с мощным внешним цивилизационным давлением, совпадавшим по времени с усилением ее внутреннего нестроения. Однако до сих пор русским элитам хватало силы и смелости перечеркнуть прошлое и начать жизнь «с чистого цивилизационного листа», рванув в неизведанное историческое будущее. Именно поэтому мы воспринимаем Россию как цивилизацию-пульсар, история которой – это история последовательно вспыхивающих и гаснущих «русских вселенных»: Московии, Империи и, наконец, СССР.

Проблема вовсе не в масштабе вызова, а в его уникальности, которая делает невозможным применение готовых решений. Раньше в русском обществе находились силы, которых это

не останавливало, и они предлагали иногда спорные, часто дикие и жестокие, но адекватные природе вызовов уникальные варианты ответов. Так возникла ни на что не похожая Петровская империя, соединившая в себе модерн и архаику, так возникла Коммунистическая империя, интегрировавшая в единое целое постмодерн и варварство. Эти ответы впоследствии признавались ошибочными, их много и яростно критиковали, но они были творческими и именно поэтому обеспечивали реинкарнацию «русского мира» в новом, неузнаваемом обличье. Не то сейчас; современные русские элиты ищут ответы на волнующие их вопросы либо в собственных исчерпавших себя исторических практиках, либо в исторических практиках других народов, плохо сочетающихся с русскими реалиями.

Те, кто сориентирован на «русскую старину», склонны объяснять цивилизационные катастрофы прошлого случайными обстоятельствами, чаще всего субъективными ошибками вождей: Николай «недострелял», Горбачев «недосажал». Им кажется, что, если бы цари и советские диктаторы «дожали» «оппонентов», то судьба России сложилась бы совсем иначе (правда, все-таки нет ясности, осталась бы она самодержавной монархией или диктатурой пролетариата). Те, кто ориентируется на «европейскую новизну», на самом деле ушли от них недалеко и также склонны объяснять неудачи субъективными ошибками, но другими: с их точки зрения, «вожди» «не дожали» общество в проведении революционных либеральных (экономических и политических) реформ: Керенский «слился», а Ельцин «разложился». В обоих случаях глубина «анализа» прошлого схлопывается до уровня примитивной конспирологии, а предложения на будущее сводятся либо к тому, как организовать в России реформы по западным образцам, либо к тому, как их не допустить.

Проблема, однако, состоит в том, что эта вражда «тупоконечников» с «остроконечниками» является совершенно бессмысленной – правды нет ни на той, ни на другой стороне. Россия исчерпала себя как империя, перестав быть «конкурентоспособной цивилизацией», еще в прошлом веке (ее текущие успехи, преимущественно обеспеченные «проеданием» советского наследия и благоприятной конъюнктурой мировых рынков, не должны никого вводить в заблуждение), но реформы «по западному образцу» России не помогут, так же как не спасет ее и ревностная защита от этих реформ. Нет таких рецептов в опыте западной демократии, которые помогли бы безболезненно преобразовать огромную континентальную империю со встроенными в ее внутреннюю ткань многочисленными и обширными колониями в современное национальное государство. Нет их и в архаичном опыте старой России.

Выход один – надо идти неторенным путем, быть готовым к тому, чтобы, отказавшись от скомпрометировавшего себя старого, предложить что-то по-настоящему новое, невиданное, нигде в мире не существующее, но подходящее именно для России «здесь и сейчас». Ни власть, ни «реформаторы», ни «охранители» оказались к этому не готовы. У русского общества не хватает смелости воображения для «разрыва шаблона», выхода за «исторические флажки», просто «шаблон» оказался у каждого свой. Но есть и нечто общее для всех – «священная корова» сверхцентрализованной власти как единственно возможной «скрепы» для России. Каждый норовит покрасить эту корову в свой цвет, но ни у кого не хватает духу ее убить. Только «имперцы» гордятся тем, что их корова «черная», а либералы верят, что ее можно перекрасить, и тогда она станет «белой и пушистой». В этом смысле «имперцы» выглядят даже предпочтительнее, их взгляды менее утопичны.

Пока Россия держится на оселке сверхцентрализованной власти, она не может быть ничем другим, кроме как более или менее качественно задрапированной самодержавной империей. Отказ от «одноканальной» властной вертикали – момент истины для современного русского общества. Если общество сохраняет такую вертикаль, то оно тем самым соглашается сохранить и все ее «самодержавные» деривативы. Предположение, что ее можно «очеловечить», «европеизировать», «демократизировать» и так далее, – опасный самообман. Либо самодержавие «как оно есть», либо децентрализация власти, переход к «многоканальной вер-

тикали», крайней и бескомпромиссной формой которого является последовательная федерализация – вот тот единственный реальный стратегический выбор, который должен сделать русский народ в XXI веке.

Здесь возможно только «или-или»: либо сохранение «вертикали» со всеми ее атрибутами (стагнация, власть «держиморд» всех видов и сортов и медленный (если повезет) уход в историческое небытие), либо разрушение вертикали и прыжок в неизведанное, рискованное, непредсказуемое и опасное будущее, но с шансами на исторический прорыв. Но пока отойти от модели, в которой экономическое и политическое единство русского народа обеспечивается исключительно за счет сверхъестественной силы притяжения кремлевской «черной дыры», никто не готов. Перед этим одинаково пасуют и «автократы», и «демократы» – ни те, ни другие не верят в то, что Россия может существовать без «кремлевской скрепы». Только «автократы» считают эту скрепу идеальной, а «демократы» верят, что ее можно отполировать демократическим наждаком.

Нерешительность действия есть следствие нерешительности мысли. Россия погрузилась в новый «серебряный застой» именно потому, что оказалась не в силах разрешить чисто гамлетовскую дилемму «быть или не быть» достойным образом: «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться!» Народ, элиты которого сто лет назад потрясли мировую историю, пойдя на небывалый, великий и ужасный одновременно социальный эксперимент, отринув прошлое и начав жизнь как бы с чистого листа, сегодня застыл в нерешительности. Русская история надолго застряла на перегоне между «Россией, которую мы потеряли» и «Россией, которой никогда не было». Власть в России будет несменяема до тех пор, пока будет оставаться несменяемой ее главная парадигма – одноканальная вертикаль.

Спасение русской цивилизации – в создании новой цивилизации. Бессмысленно молиться умершим богам. Ни имперскую, ни советскую Россию не возродить, они погибли, потому что естественным образом полностью исчерпали себя. Вряд ли поможет России и завоз чужих богов (неважно – из Европы или из Китая) – как справедливо заметил Солженицын, нельзя лечить свои болезни чужим здоровьем. Старую Россию, вот уже треть столетия бьющуюся в агонии, спасти нельзя. Но Россию можно и нужно переучредить, запустив заново движок ее истории. Она должна быть сознательно и рационально учреждена на принципиально иных основаниях, чем те, на которых покоится ее нынешнее выморочное существование. И главным пунктом здесь будет отказ от «ниспадающей» вертикали власти, низвергающейся сверху вниз из Кремля на бескрайние просторы Евразии. Это то самое «золотое звено», взявшись за которое можно вытянуть всю цепочку.

Конечно, это будет отчаянный прыжок в неизвестное, где, сделав первый шаг, уже невозможно отказаться от второго, где реальность каждый день будет опровергать прогноз, где каждое решение будет не имеющим аналогов, где удерживать в голове можно будет только принципы и общее направление движения, ежеминутно меня конкретный маршрут, где все подсказки будут бесполезны, а готовые рецепты неприменимы, потому что на те вопросы, которые возникнут после начала перекройки на новый лад огромного и многообразного пространства, по-прежнему занимающего одну седьмую часть суши, никто никогда не готовил ответов.

Начав строить русскую федерацию, ее первопроходцы очень скоро обнаружат, что нигде в мире нет лекал для такой федерации, которая могла бы объять собою Россию, и им придется выдумывать и экспериментировать на ходу. Не исключено, что русская федерация в какой-то момент времени начнет напоминать асимметричную конфедерацию наподобие того проекта, к которому стремился, но который, похоже, так и не смог реализовать Евросоюз. Чтобы не потерять контроль над процессом, «русским федералистам» рано или поздно придется включить и реверсное движение, задумавшись о новом механизме сдерживания центробежных сил, и тогда они, возможно, поймут наконец, почему СССР формально был парламентской республикой, и займутся строительством партии, которая должна будет стать политической скрепой

для пары десятков новых субъектов «Соединенных Штатов Евразии». Есть надежда, что они не войдут дважды в одну воду и не допустят старых ошибок, уничтожив институты демократии и независимость суда, благодаря чему новая федералистская партия не превратится в КПСС и не погубит весь проект.

Все это, безусловно, потребует не лет, а десятилетий настойчивого труда нескольких поколений, поддерживающих политическую преемственность, как древние люди поддерживали огонь в священной пещере. Это путь, полный рисков и опасности, потому что огонь этот может погаснуть в любой момент или, наоборот, разгореться с такой силой, что пожар очередной революции сожжет всю пещеру. Но это и есть тот единственно возможный путь социального и исторического творчества, благодаря которому возникают великие цивилизации. Ситуацию упрощает то обстоятельство, что выбирать сегодня России особенно не приходится. Другого, «негероического» пути у нее просто не осталось, все возможности отсидеться в исторических кустах и не совершать подвигов исчерпаны. Этот непростой выбор подготовлен всей предшествующей логикой культурного, социального и политического развития, которое подвело Россию к точке принятия решения. Исследованию этой логики и посвящена предлагаемая на суд читателя книга.

Часть I

Формула русской революции

Революция – это проявление социальной энтропии и разрушение естественного социального порядка, и в этом смысле есть явление противоестественное, ибо именно социальный порядок представляет собою нормальное, «здоровое» состояние общества. Этот порядок поддерживается не только работой социальных институтов, но и опирается на действие врожденных социальных инстинктов. Поэтому революция при всей ее значимости для истории есть скорее патология, чем норма. Затяжная революция – это тяжелая хроническая социальная общественная болезнь.

При этом то, что обычно называется контрреволюцией, есть внутренний момент революции, а не ее внешняя противоположность. Контрреволюция – это завершающая стадия революции. Она является не столько восстановлением порядка, существовавшего до революции, сколько восстановлением порядка как такового. Новый порядок может выглядеть внешне как старый порядок, и поэтому кажется, что смысл контрреволюции – в возврате к прошлому. В действительности смысл контрреволюции – в обуздании хаоса. При этом контрреволюция зачастую имеет более ярко выраженный насильственный характер, чем революция. Больше всего жертв революция оставляет не «на входе», а «на выходе», когда «затвердевают» новые общественные отношения.

Надо иметь в виду, что не каждая социальная энтропия, не каждое разрушение социального порядка есть революция. Всякая революция есть бунт, но не всякий бунт есть революция. Революция сопряжена со стремлением к сознательному переустройству общественной жизни на рациональных началах. В отличие от бунта революция есть «направленный взрыв». В ней невидимо всегда присутствует некая «интенция нового порядка», причем не просто нового, а выстроенного вокруг определенной идеи. Более четверти века посткоммунистическая Россия болезненно проходит через полосу революций и контрреволюций, выстроившихся вокруг конституционной идеи, пытающейся пробиться к свету сквозь толщу русской самодержавной политической традиции.

Глава 1

Все, что вы хотели знать о революции, но боялись спросить...

Во всяком серьезном деле нужен разгон. Долгий разговор о революции и конституции предполагает солидную вводную часть. Общие слова вредят повествованию, но без них, к сожалению, не обойтись. Поэтому я позволю себе хотя бы очень кратко обозначить то, что я бы назвал «существенными моментами» в понимании «революции» и «контрреволюции».

Предопределенность русской революции

Русская революция – это исторический лабиринт с несколькими «входами» и «выходами». Она представляет собою длительный возвратно-поступательный (рваный) процесс, растянутый на несколько столетий, где движение к более рациональной организации общественной жизни зачастую осуществляется в иррациональной форме. Чтобы понять, у какого «выхода» из этого лабиринта мы сегодня находимся, необходимо прежде всего определиться со «входом». Оценить перспективы перестройки по-настоящему можно, только осмыслив всю эпоху, которую она завершает.

Политический атеросклероз похож на клинический, но сориентирован во времени в противоположном направлении – не в прошлое, а в будущее. При клиническом атеросклерозе человек хорошо помнит, что с ним было сорок лет назад, но не может вспомнить, что с ним было вчера. При политическом атеросклерозе общество прекрасно знает, что с ним будет через сорок лет, но не может предсказать, что с ним случится завтра.

Все в России понимают (хотя некоторые притворяются, что не понимают), что с ней случится через сорок лет. Той России, которая знакома нескольким русским поколениям, больше не будет. А на ее месте возникнет какая-то другая Россия, может быть, в других границах, отчасти с другим населением и наверняка с другой культурой. Между этими двумя Россиями, такими, как всегда, разными и в то же время неуловимо похожими, проляжет очередная русская революция. Но когда она случится и как далеко пойдет, никто не может предугадать.

Россия сегодня живет в предвкушении катастрофы, стараясь не заглядывать за горизонт текущих событий. И чем страшнее завтра, тем веселее и оптимистичнее сегодня. Будущее выглядит так пугающе, что подавляющая часть русского общества совершенно искренне желала бы отодвинуть его как можно дальше. Этот инстинктивный страх перед будущим является истинной основой той консолидации, которая так радует душу недаленовидного русского «патриота».

Но даже самые верноподданные и патриотично настроенные граждане отдают себе отчет в том, что нынешний социальный и политический строй является временным и вовсе избавиться от мрачной тени постылого будущего невозможно.

Именно поэтому настоящей стратегии развития у России нет, а есть лишь стратегия выживания. Сводится эта стратегия к тому, чтобы переждать тяжелые времена («неглубокий кризис») в надежде «на авось»: надо только затаиться, и, возможно, мимо России пронесут труп Америки с Европой. Тогда и революция будет не страшна.

Однако поздно. Революция тайно захватила Россию, но пока только в своеобразной «отрицательной» форме. Все, что в России сегодня происходит, так или иначе подчинено задаче предотвращения революции. Это главный пункт политической программы русского правительства. Собственно, борьбой с революцией эта программа и исчерпывается. Прави-

тельство работает в режиме контрреволюционного МЧС. Оно сделало контрреволюцию содержанием уходящей эпохи.

Это очередной «мертвый сезон» русской истории, полностью лишенный творческого социального начала, что не исключает, а иногда даже подразумевает временный подъем (по крайней мере, относительный) в развитии науки и искусства.

Посткоммунистическая Россия попала в начале XXI века в предсказанную еще в конце 80-х годов прошлого века историческую «трубу турбулентности» – что-то наподобие политической аэродинамической трубы, в которой сгенерировали социальную турбулентность. Хотя жизнь в трубе бурлит, в ней ничего на самом деле не происходит и она никуда не движется. Из этой трубы нельзя выйти, можно только вылететь.

Предсказать траекторию движения общества, попавшего в историческую трубу, невозможно. Но, какой бы замысловатой она ни была, пункт назначения всем известен – революция.

Русская революция и авторитарная власть

С определенного исторического рубежа политическую повестку дня любого авторитарного государства начинает диктовать революция. Это предусмотрено самой природой авторитаризма. Смена власти в авторитарном государстве возможна либо путем государственного переворота, либо вследствие революции. Если доступ к власти, полностью или частично, можно получить путем победы на выборах, то такое государство не является в точном смысле слова авторитарным. О нем можно говорить только как о недостаточно демократическом государстве. Такой была Россия в короткий промежуток времени с 1989 по 1996 годы, но это время прошло. Современная Россия является классическим авторитарным государством и, похоже, даже официально не отрицает этого.

Есть люди, которые противопоставляют государственный переворот и революцию, полагая, что революции в России можно избежать, устроив государственный переворот. Это весьма условное противопоставление – между государственным переворотом и революцией не такая большая разница, как многим кажется. Граница между государственным переворотом и революцией весьма подвижна: и то и другое является способом насильственной смены политического строя. Речь идет лишь о локализации насилия – будет ли оно ограничено верхним эшелонном правящего сословия или «выпорхнет» из «властного гнезда», вовлекая в свою орбиту часть общества или в худшем случае все общество. Поэтому государственный переворот можно рассматривать как частный случай революции.

Именно отношение к революции в авторитарном государстве делит оппозицию режиму на два непримиримых лагеря – «системную» и «несистемную». Если оппозиция отрицает революцию или тем более полагает революцию недопустимой, значит, она не ставит своей целью приход к власти и поэтому в лучшем случае может считаться «оппозицией Его Величества», а в худшем – собранием пустых резонеров.

Отношение к революции – это лакмусовая бумага, по которой сегодня можно легко и безошибочно отличить действительную политическую оппозицию от суррогатной. Либо политическая организация признает революцию – и тогда она на практике является оппозиционной, либо она не признает революцию – и тогда ее оппозиционность носит условный характер. Все промежуточные формулы вроде «мы против режима, но также и против революции» являются лишь лукавыми метафорами, использование которых носит, как правило, конъюнктурный характер.

Это не значит, что оппозиция должна любить революцию, но это значит, что она не может игнорировать ее неотвратимость. Она не может обещать несбыточное и поддерживать иллюзию того, что у революции в России есть альтернатива. Такое поведение было бы нечестным

по отношению к массам и в конечном счете только подрывало бы доверие с ее стороны по отношению к оппозиции.

Революция, данная нам в ощущениях...

Вопрос об отношении к революции является психологически трудным для российских элит, в том числе оппозиционно настроенных к существующему режиму. Даже те политические силы, вся деятельность которых на практике сводится к его дестабилизации и провокации революции, предпочитают публично открещиваться от нее или, по крайней мере, высказываться о ней весьма неопределенно.

К сожалению, многие люди искренне верят в то, что можно изменить сущность вещей, поменяв их название. Они думают, что если революцию назвать как-то иначе, то она ею перестанет быть. Однако проблема не исчезает от того, что о ней не говорят вслух. Революция, безусловно, является главным вопросом текущей политической повестки дня и будет оставаться таковым до того момента, когда наконец станет реальностью. Естественно, что вопрос о революции должен все время оставаться в центре политической дискуссии, а не уводиться стыдливо на ее обочину.

Есть две причины, по которым революция оказалась *персоной нон грата* в среде русской интеллигенции. С одной стороны, на оппозицию давит собственное «интеллигентское» подсознание, а с другой – оппозиция отчасти пытается так бороться с агрессивной официальной пропагандой, которая превратила революцию в синоним апокалипсиса.

Русскую интеллигенцию сначала так сильно перекармлили романтикой революции, а потом так долго пугали повторением кошмаров революции, что у нее возникла острая негативная аллергическая реакция уже только на само слово «революция». Сегодня революция повсеместно воспринимается ею как абсолютное зло.

В подсознании российской интеллигенции уживаются два взгляда на революцию: «марксистский» – сводящийся к тому, что революция является «повивальной бабкой» истории, и «бердяевский» – состоящий в том, что революция является продуктом гниения старого общества и «карой» ему за его грехи. Но истина, скорее всего, находится посередине.

Революция – это действительно всегда продукт распада (гниения) старого общества, и в этом Бердяев прав. Но этот распад позволяет вырваться на исторический простор силам нового общества, и в этом прав Маркс. Вопрос лишь в том, есть эти силы в наличии или нет, какова их природа, насколько они продуктивны и перспективны?

Революция есть зло, как есть зло любая смерть. Но, если смерть дает простор новой жизни, то диалектически она становится добром.

Таким образом, вопрос о пользе или вреде революции в значительной степени оказывается внешним по отношению к самой революции и сводится к тому, сложились ли в обществе силы, высвобождение которых приведет к существенным социальным и политическим изменениям? Если такие конструктивные силы созрели, революция, какую бы цену за нее ни пришлось заплатить, оказывается исторически успешной. Если таких сил нет в наличии, то такая революция становится «майданом».

«Майдан» тоже может быть полезен, но его польза сопоставима с его вредом, а выигрыш зачастую никто, кроме тех, кто непосредственно пришел к власти, не замечает. Тогда через некоторое время вопрос о революции вернется в политическую повестку дня абсолютно в том же формате, в котором он стоял до этого.

Жизнь в ожидании извержения

Настоящим революционером в жизни оказывается вовсе не тот, кто с утра до вечера занят «подготовкой революции» (которую – скажу, забегая вперед, – подготовить невозможно), а тот, кто сосредоточен на развитии сил, с которыми связана перспектива и которые олицетворяют собой новое общество (не важно, как скоро оно обнаружит себя). Те же, кто хочет ускорить революцию в обществе, не созревшем для этого, являются не столько революционерами, сколько провокаторами, в конечном счете продлевающими жизнь режиму. Не надо делать за историю ее работу, но не надо полагаться на историю в том, что может сделать только само общество.

Революция – это явление объективного порядка, которое никакими субъективными усилиями нельзя искусственно вызвать к жизни. Существует широко распространенное заблуждение, что достаточно вывести на улицы миллион человек, чтобы случилась революция и «плохой режим» рухнул. Это красивая легенда, но проблема в том, что нельзя вывести на улицы миллион человек, пока «плохой режим» сам не позовет их на улицу, то есть пока не возникнет революционная ситуация. В истории посткоммунистической России единственная демонстрация, приближающаяся к миллионной отметке, была, как теперь выясняется, тайно санкционирована руководством ЦК КПСС. «Болотное движение» возникло в значительной степени под влиянием и с молчаливого согласия правительственных либералов в эпоху хлипкой «медведевской оттепели». Порядок здесь другой: сначала революционная ситуация – потом люди на улицах, а не наоборот.

Можно воспользоваться простой метафорой. Представьте, что революция – это спящий вулкан, а революционеры – обыватели, обитающие у его подножия. Живя на склоне вулкана, можно каждый день, как Сизиф, подниматься на его вершину, чтобы постучать по кратеру лопатой. Это можно делать в одиночку, можно привлечь человек сто родственников, можно собрать тысячу друзей. В конце концов, можно исхитриться и вывести на вершину миллион человек, сказав им, например, что там зарыт клад. Даже если все эти люди разом начнут стучать по вулкану своими лопатами, ему будет на это наплевать, он будет дымить, не обращая внимания на их суету. В какой-то момент вулкан, конечно, проснется и завалит своим пеплом и тех, кто стучал, и тех, кто не стучал, и тех, кто «стучал» на тех, кто стучал. Но он это сделает сам по себе, а не потому, что по нему бродил миллион неприкаянных людей.

Самый лучший «революционный сейсмолог» не сможет определить тот час, когда просыпаются вулканы (можно угадать, но это лучше удается людям искусства). Ленин за несколько месяцев до революции был уверен, что закончит жизнь в эмиграции. Белая эмиграция составила и умерла на Западе, так и не дождавшись Горбачева...

Ленин же сформулировал концепт «революционной ситуации», который сводится к известной триаде: паралич власти, активизация массы и ухудшение условий ее существования. Каждый из этих трех элементов далеко не прост в интерпретации, и о каждом можно говорить и писать бесконечно. Ограничусь тем, что скажу: ни одна революция не произойдет раньше, чем власть потеряет способность подавлять революционное брожение. Сначала «душа власти» покидает «тело власти», а уж потом начинается революция.

И напоследок полезно вспомнить практичный совет, данный О'Генри: *«Спрос создать нельзя. Но можно создать условия, которые вызовут спрос»*. Так и с революцией: *революцию сделать нельзя, но можно создать условия, которые вызовут революцию*. Лучший способ ускорить революцию – подготовить вовремя замену существующему строю. Поэтому революционная партия – это не та партия, которая готовит революцию, а та партия, которая готовится к революции.

По ходу революции последние превращаются в первых. Есть определенная закономерность в том, что героями революции становятся постфактум. Революционная партия обречена оставаться маргинальной организацией до того момента, пока не начнется революционное движение. Размер черепахи, как известно, во многом зависит от размера аквариума, в котором она обитает. Нельзя ожидать, что в трехлитровой банке вырастет динозавр. Но не стоит также удивляться тому, что «черепашка», выбравшись из банки в пруд, начнет стремительно расти.

Глава 2

Связанные одной целью – четыре века русской революции

На долю ныне живущих поколений России выпал тяжелый и ответственный выбор: решать, закончит ли Россия свою славную историю «последней империей» в XXI веке или сможет отказаться от имперских амбиций в пользу создания русского национального государства, которое имеет шанс положить начало новому длительному циклу русской истории?

Мы должны решить для себя, что для нас важнее: имперские комплексы или будущее наших детей и внуков, готовы ли мы растратить великое наследие предков на удовлетворение сиюминутного тщеславия толпы или у нас хватит мудрости и отваги для свершения подлинного подвига творческого исторического созидания?

На кону нечто большее, чем чьи-то политические амбиции, это не борьба сторонников и противников режима, как многим кажется. Это столкновение двух мировоззрений, двух принципиально разных концепций общественного развития России на ближайшие сто лет, и поэтому цена выбора так высока.

Завтра России зависит от ее способности ответить сегодня на новые беспрецедентные вызовы истории. Мир уже никогда не будет таким, каким его привыкли видеть предыдущие поколения, родившиеся после «большой войны». Старого порядка больше не существует, новому еще только предстоит появиться на свет. Одновременно заканчиваются несколько больших и малых исторических циклов. Россия вместе со всем человечеством вступает в полосу «исторической турбулентности». Эпохе «Потсдамского мира» в Европе приходит конец, как приходит конец и неограниченному доминированию западной цивилизации в мире. Преодоление препятствий на пути к созданию единого культурного, экономического и политического пространства потребует от русского и других народов России сплоченности и огромного напряжения сил.

Эпоха нестабильности продлится несколько десятилетий, а может быть, и столетий. Не исключено, что рождение новой универсальной цивилизации будет сопровождаться жесткими столкновениями старых цивилизаций между собой, борьбой за ресурсы, изменением баланса между мировыми центрами силы, возрождением национализма, религиозного фанатизма и других химер, казалось бы, давно оставленных в прошлом. Это будет время больших перемен и таких же больших испытаний. Все то, что сегодня кажется константами, завтра может оказаться переменными, в том числе климат и экология планеты.

В то же время перед Россией и миром открывается эпоха великих надежд, уникальных возможностей и фантастических перспектив. На горизонте, пусть еще окутанная туманом, замаячила заветная цель многих поколений – возникновение универсальной планетарной цивилизации. Человеческий гений, создавший современные технологии, породил не только связанные с ними глобальные проблемы, но и вооружил людей средствами их преодоления. Теперь только от самих людей зависит, смогут ли они воспользоваться этими инструментами во имя добра и процветания или ради зла и самоуничтожения.

Капитуляция не является стратегией победы. Россия не может отгородиться от вызовов современности глухим забором экономической и политической изоляции. Разные общества втягиваются в разверзшуюся историческую воронку, находясь на разных ступенях развития, обладая разными ресурсами и разным социальным опытом. Каждому из них придется пережить болезненные трансформации, приспособливаться к непривычным, не имеющим аналогов в прошлом условиям, на ходу перестраивая или выстраивая заново необходимую для выживания социально-экономическую и политическую матрицу.

Никто на самом деле не находится в привилегированном положении. Зачастую решающее значение будут иметь не накопленные ресурсы, не наличная военная или экономическая

сила, не славная история и даже не научно-технический потенциал, а воля и целеустремленность – готовность быстро адаптироваться к беспрецедентным вызовам. В этом новом вавилонском столпотворении культур, экономических и политических систем последние будут иметь шанс стать первыми, а первые будут тонуть под бременем неподъемных обязательств и амбиций.

Россия – часть этого процесса, её стартовые позиции незавидны, в новую эпоху Россия входит при самых неблагоприятных для нее исторических обстоятельствах: истощенная чередой внешних и внутренних войн, измученная десятилетиями коммунистической диктатуры, разграбленная и дезориентированная сначала посткоммунистической революцией, а позже постсоветской контрреволюцией и реставрацией.

Несмотря на это, у России есть возможность успешно справиться с кризисом и даже воспользоваться «исторической турбулентностью» как шансом интегрироваться в мировую экономику и политику на достойных (лучших, чем сегодня) условиях в качестве одного из мировых лидеров. Россия по-прежнему располагает огромными природными и людскими ресурсами, имеет стратегически выигрышное геополитическое положение, сохраняет высокий технический и гуманитарный культурный потенциал, ее народы не раз демонстрировали выносливость и высокую адаптивность – именно те качества, которые будут цениться в новое время.

Чтобы воспользоваться своими историческими преимуществами, необходимо последовательное и целенаправленное напряжение сил нескольких поколений, для чего помимо воли требуется четкое понимание цели и направления движения. Вооружить народы России знанием этих целей, пониманием содержания переживаемого исторического момента – важнейшая обязанность политического авангарда современной России.

Модернизация России является необходимым условием ее выживания как цивилизации и как суверенного и независимого государства. Почти пятьсот лет Россия остается страной «европейского выбора», вектор развития которой определяется необходимостью осуществления модернизации. Однако Россия – это «другая Европа», в которой модернизация не является прямолинейным процессом. Пути российской истории никогда не были прямыми и не обещают стать прямее в будущем. Тем не менее Россия до сих пор всегда находила способ последовательно двигаться вперед по пути технического и социального прогресса.

Россия – это обособленная часть Европы с уникальной исторической судьбой. В проекции ко всем другим мировым культурам современности Россия, безусловно, является европейской страной. В проекции к самой Европе Россия является «другой Европой», альтернативной версией европейской культуры, выросшей из соединения традиции восточного христианства с традицией евразийской степи. Россия, оставаясь в лоне европейской культуры, всегда по-особому переживала все общеевропейские процессы и тренды.

Модернизация в России протекала более сложно и противоречиво и, конечно, гораздо менее последовательно, чем в Западной или Центральной Европе. Тем не менее, несмотря на все скачки, срывы и возвраты назад, каждый ее этап оказывался относительно успешным. Трудности, с которыми сталкивалась Россия, общеизвестны, но также очевидны и бесспорны ее достижения на пути прогресса и ее вклад в мировую и европейскую культуру.

Каждая историческая эпоха внесла в модернизацию России свою лепту, развивая и дополняя то, что было сделано в предшествующие периоды. Хотя со стороны иногда кажется, что история России движется вспять, она на всем своем протяжении развивалась поступательно. Все поколения без исключения стали инвесторами «проекта Россия», каждое без исключения поколение внесло свой вклад в созидание той России, которую мы приобрели сегодня – со всеми ее плюсами и минусами.

Ни один даже самый драматический и противоречивый период русской истории не был бесполезным и бессмысленным, каждый имел свою историческую миссию, решал свою особую историческую задачу. Это не значит, однако, что выбранные способы решения этих задач были

оптимальными. Очень часто средства достижения цели дискредитировали саму цель. Россия заплатила за модернизацию непомерно и избыточно высокую цену человеческими жизнями. Коммунизм и в особенности его крайняя форма – сталинизм – оказались преступными заблуждениями, ставшими трагедией для десятков миллионов людей.

Петр I совершил революцию, пытаясь модернизировать Россию с помощью Империи. Революция, навязанная России сверху Петром I, положила начало русскому возрождению – величественному и трагическому одновременно. Петровские реформы остаются главной точкой отсчета современной русской истории. Петр I построил водораздел между архаичной патриархальной Россией и Россией Нового времени. Все последующие революции и контрреволюции в России либо пытались продвинуть Россию вперед подальше от этой черты, либо отбросить ее назад далеко за эту черту. Сегодня Россия столкнулась с самой масштабной за последние триста лет попыткой пересмотреть «петровскую парадигму».

Империя поставила Россию в один ряд с передовыми нациями Европы своего времени, но сделала она это путем закрепощения десятков миллионов русских крестьян, воссоздав в России рабство. Рабство и модерн несовместимы. Бомба, заложенная крепостничеством, взорвалась полвека спустя после его формальной отмены Александром II, то есть через два века после начала петровских преобразований. Империя погибла в начале XX века в огне самой беспощадной и самой кровавой в истории Европы большевистской революции.

Русское возрождение оказалось парадоксальным, его последствия были неоднозначны, оно привело к эмансипации небольшой части европеизированной элиты за счет консервации отсталости огромной неразвитой крестьянской массы, фактически лишенной доступа к благам современной цивилизации. Просвещение «верхов» русского общества длительное время сочеталось в Империи с сознательным насаждением невежества в его «низах». В конечном счете это привело к губительным последствиям как для «верхов», так и для «низов», вызвав к жизни одну из самых кровавых и самых неоднозначных диктатур в истории человечества.

Большевики попытались модернизировать Россию, заменив «плохую» и «неправильную» Империю «правильной» и «хорошей». Большевистская революция была смелой попыткой прыгнуть в модерн через архаику при помощи утопии, закончившейся трагедией. Большевизм – это несостоявшееся Новое время России. Он соединил светлые идеалы раннего христианства с мрачной и низменной социальной практикой варварства, вдохновение – с преступным насилием, поиски правды и справедливости – с торжеством всепоглощающей лжи. Итогом стал мощный технический прогресс в соединении с глубочайшим нравственным регрессом.

Большевизм является русской крестьянской версией европейской модернизации. Он покончил с крестьянским рабством ценой уничтожения русского крестьянства. Он превратил все народы и сословия России в заложников тоталитарного государства-левиафана. Приблизившись, как никогда раньше, к передовым народам Европы технически, Россия откатилась при этом идеологически в азиатчину и глубокое средневековье. Разрыв между достаточно высоким технологическим уровнем развития и архаичной социально-политической организацией общества в конечном счете обусловил крах СССР.

Эпоха «большого террора», унесшая миллионы жизней, стала символом краха большевистской утопии, вскрыв ее человеконенавистническую природу. Сталинским репрессиям нет и не может быть оправдания. Ущерб, нанесенный ими русскому обществу, не компенсируется никакими мнимыми историческими достижениями режима. Все исторически значимое, что было сделано русским и другими народами России в эпоху сталинизма, было сделано не благодаря, а вопреки бездарному и жестокому правлению. Приписывание Сталину заслуг русского и других народов России недопустимо. Мы можем только догадываться, каких высот достигла бы Россия, если бы творческая энергия людей не была стреножена несколькими десятилетиями террора.

«Большой террор» нанес непоправимый урон русскому образованному классу. После него в русской культуре и культуре других народов России осталась зиять огромная до сих пор не зарастающая брешь. Одновременно его жертвами стали миллионы простых людей по всей стране. Он, по сути, сделал неизбежным участие России в европейской войне. Неистребимым наследием эпохи террора до сих пор остается страх человека перед государством и властью, ставший чуть ли не генетическим для нескольких последующих поколений. Этот страх и сегодня сковывает силы русского общества, угнетает человеческое достоинство и заставляет людей мириться со злом и произволом.

Победа в Великой Отечественной войне создала нравственные, социальные и политические предпосылки для создания русского национального государства. Она является одним из важнейших событий русской истории и главным событием XX века для России. С нее начинается отсчет новой эпохи. Результатом победы стало рождение «советской цивилизации», без которой никогда бы не было перестройки и, следовательно, современной России.

Война обескровила Россию на многие десятилетия вперед, обусловила будущую демографическую катастрофу, разрушила культурный слой, уже и так существенно пострадавший от «большого террора», оставила в сознании русского и других народов России множество незаживающих ран. Ее отдаленные, иногда не всегда узнаваемые последствия страна ощущает до сих пор. При этом многих из принесенных на алтарь войны жертв и потерь можно было бы избежать при более умелом управлении армией и государством.

Однако, благодаря победе, главным итогом войны для России стало появление на исторической арене нового социального субъекта – «народа-победителя». По сути, единый «народ-победитель», народ как творец победы (а, значит, и истории) стал прообразом русской нации. В аллегорической форме этот принципиально новый рубеж в развитии русского общества был зафиксирован в партийном коммунистическом меме – «*о советском народе как новой великой исторической общности*».

Несмотря на очевидные идеологические передержки, тезис о советском народе как о новой исторической общности не был лишь продуктом коммунистической пропаганды. Советский народ – не миф, а новая послевоенная реальность России. Это была первая попытка сформировать русскую нацию не на сугубо этнической или сугубо религиозной (идеологической) основе, а на сублимате чувства «гражданственности». Однако, чтобы стать нацией, «советскому народу» не хватило уважения к человеку и его свободе, без чего настоящей гражданственности и настоящей нации быть не может.

Хрущевская «оттепель» стала прологом возникновения и расцвета «советской цивилизации», подготовившей будущие демократические преобразования, а брежневский «застой» привел к ее закату. Хрущевский переворот 1953 года и XX съезд, породившие «оттепель», предопределили основную парадигму развития российского общества на четыре десятилетия вперед. Брежнев, хотя и сделал впоследствии несколько шагов назад в сторону неосталинизма, в целом продолжал двигаться обозначенным «оттепелью» курсом. По сути, «оттепель» означала отказ от практики большевизма и связанной с ним политики массового террора. С этого момента Россия стала развиваться не столько «перпендикулярно» Западу, сколько «параллельно» с ним.

Важнейшим достижением «советской цивилизации» можно считать решение проблемы бедности. В хрущевско-брежневскую эпоху Россия впервые в своей истории сняла с социальной и политической повестки дня вопрос о массовом голоде, в значительной степени смягчила остроту жилищной проблемы, покончив с «барачной системой», развила качественную национальную систему здравоохранения, сделала высшее образование массовым и общедоступным, сформировала основы системы всеобщей социальной защиты. В конечном счете к концу 70-

х годов XX века в СССР был создан «бюджетный» аналог западного «государства всеобщего благоденствия».

Одним из важнейших последствий «оттепели» стала социальная трансформация русского общества, формирование «советского среднего класса» и предпосылок «гражданского общества». Рано или поздно эти социальные перемены должны были привести к изменению политической системы. Не отказываясь от террора как метода управления обществом в принципе, коммунистическая власть активно развивала правовые институты, призванные удерживать террор в рамках «социалистической законности». Из этого фундаментального противоречия поздней советской государственности в конечном счете выросла горбачевская перестройка.

Перестройка оказалась второй после Февральской революции попыткой русского народа покончить с империей как формой своего политического бытия и приступить к строительству русского национального государства. Первой была Февральская революция, и, несомненно, перестройка есть продолжение линии «февраля» в русской истории. Хотя конечные цели перестройки не были достигнуты, но, если сравнивать ее достижения с достижениями Февральской революции, то горбачевский проект можно признать если не гораздо более успешным, то существенно более продвинутым.

Перестройка духовно вернула Россию в Европу, но привела к дезорганизации социально-экономической и политической инфраструктуры посткоммунистического общества. Она дала народам России свободы, но не создала институты, через которые эти свободы могли быть реализованы. Ошибки перестройки были усугублены неудачными экономическими и политическими реформами 90-х годов. Слабое российское гражданское общество не смогло установить контроль над огромным и практически неререформируемым бюрократическим аппаратом, который стал политически и нравственно разлагаться, образуя множественные злокачественные криминально-коррупционные узлы. Все это сделало практически неизбежными последующие контрреформы и попытку советской реставрации.

Политический проект Владимира Путина стал самым крупным неоимперским и антимодернизационным проектом в России за последние триста лет. Владимир Путин пришел к власти как преемник Бориса Ельцина и формально как продолжатель курса перестройки. Однако начиная с 2003 года он стал выразителем социальных и политических устремлений русской реакции, в течение десяти лет скрытно осуществляя процесс сворачивания рыночных и демократических реформ, проводившихся его предшественниками.

Военный конфликт с Украиной в 2014 году и присоединение Крыма к России стало сигналом к переходу от «серой» и «ползучей» к открытой полномасштабной контрреволюции. Внутренняя и внешняя политика России в «послекрымский период» целиком и полностью укладывается в формат «постреволюционной реакции» и «реставрации». Сам по себе этот факт не вызывает удивления – любое пережившее революцию общество через некоторое время «откатывает назад» и проходит сквозь эпоху реакции, чтобы усвоить и переварить достижения революции. Проблема России в том, что у нее зачастую отдача оказывается более сильной, чем породивший ее толчок вперед.

Особенность путинской реакции не в том, что она открыто провозглашает отказ от идеи национального (конституционного) государства и пытается вернуть российское общество в формат Империи, а в том, что она пытается создать антимодернизационную Империю. То, что происходит в современной России, – это не пересмотр итогов перестройки, это даже не пересмотр большевистской революции, а попытка изменить парадигму развития русского общества, заложенную Петром I. Это попытка воплотить в жизнь допетровскую архаическую утопию, полноценная реализация которой может превратить Россию в отсталое, изолированное от всего мира государство-изгой. Условия, вызвавшие к жизни перестройку, были таким обра-

зом воссозданы спустя всего три десятилетия после ее начала. Естественно, это снова сделало актуальными цели перестройки.

Модернизационный курс для России неотвратим, историческое время реакции ограничено, возвращение к строительству национального государства неизбежно. Посткоммунистическая стабилизация является временным явлением, она не имеет ни глубоких исторических предпосылок, ни стратегической перспективы, представляя собою лишь краткосрочную передышку, взятую уставшим обществом на пути к глубоким внутренним преобразованиям. Восстановив силы, Россия должна будет продолжить свое историческое движение. Чем короче будет эта передышка, тем меньшую плату Россия заплатит за свои ошибки. Если передышка будет слишком долгой, это может привести к распаду российского общества и государства.

Эпоха посткоммунизма для России завершается. Россия стоит в преддверии нового созидательного этапа своей истории. Стратегической целью этого этапа является осуществление очередного модернизационного рывка. Следующее поколение в России должно наконец воплотить в жизнь главные цели Февральской революции и цели перестройки – вернуть Россию на путь модернизации и завершить создание русского национального государства.

Первоочередной и непосредственной задачей на сегодняшний день является формирование русской нации, то есть создание того исторического субъекта, которому предстоит совершить преобразования исторического масштаба. Русская нация создаст в России политическое государство, в основании которого будут лежать самоуправление, федерализм и конституционная законность. Это длительный процесс, который потребует последовательности, концентрации воли и ответственности элит, а также поддержки со стороны населения России. На этом пути России жизненно необходимо освоить «программу-минимум», взяв три «вершины», без овладения которыми все разговоры о ее великом будущем окажутся лишь пустыми мечтаниями.

Культурная революция. Россия стоит на пороге культурной революции. Ее важнейшей задачей является формирование «модернизационного консенсуса», то есть создание культурных предпосылок для преобразования России и, соответственно, разрушение «антимодернизационного консенсуса», созданного при активном участии нынешнего политического режима.

Смысл культурной революции состоит в том, чтобы высвободить творческие силы *всего* русского народа и обеспечить *конструктивную* культурную эволюцию русского общества. С этой целью культурная революция должна устранить все надуманные и вредные монополии. В культуре, как и в любой другой области, государство должно перейти к поощрению конкуренции. Толерантность, терпимость и инакомыслие, признание за любым человеком права «быть другим» должны стать в России фундаментальной составляющей новой гражданственности.

Сегодня в России запущен механизм отрицательной культурной селекции, благодаря которой целенаправленно поощряются невежество и обскурантизм. Доминирующим культурным типом стал агрессивный, малообразованный и ограниченный обыватель – враг любых перемен, мыслями и чувствами привязанный к прошлому и панически боящийся будущего. Этот культурный тип является опорой режима, и именно ему государство в первую очередь обеспечивает максимально благоприятные условия существования.

Агрессивно-послушный обыватель снова, как и четверть века тому назад, при помощи бюрократического государства навязывает свой образ мыслей и свои фобии всему русскому миру, подавляя ростки всякой здоровой мысли и заглушая голос рассудка. Таким образом, ничтожная часть русского общества имеет сегодня возможность определять общий профиль всего русского общества и диктовать ему свою волю. Надо вырвать русский мир из рук этого ничтожного меньшинства, дать ему вздохнуть свободной грудью и внушить уверенность в своих творческих силах.

Никто не может запрещать другим иметь отличную от его собственной точку зрения на любой предмет и выражать эту точку зрения свободно и публично. Если чьи-то чувства оскорблены иной точкой зрения – значит, этому человеку надо учиться жить в коллективе. Всех легко «оскорбляемых» чужой точкой зрения или образом жизни нужно вернуть в конституционное поле, где свобода каждого есть условие свободного развития всех. Это не столько политическая, сколько новая культурная парадигма.

Важно понимать, что все, кто сегодня выступает пусть хоть и с самой радикальной программой экономических и политических преобразований, оставаясь при этом в русле старой культурной парадигмы (то есть в русле нетерпимости, нетолерантности, несбалансированности прав большинства и меньшинства), продают лишь очередную русскую утопию. Здесь действует простой закон, хорошо известный русскому читателю по бессмертному произведению Ильфа и Петрова: «Утром – культурная революция, вечером – успешные экономические и политические преобразования», а не наоборот.

Левый поворот. Россия существенно отличается от Западной и даже Центральной Европы доминирующей моделью социального и экономического поведения. Доля населения, готового активно заниматься предпринимательской деятельностью, беря на себя ответственность за свое благосостояние, здесь существенно ниже. И наоборот, доля населения с преобладанием патерналистских настроений, предпочитающего полагаться на государство в вопросах материального и социального обеспечения, очень высока.

При этом уровень ожиданий от социальной политики государства в России значительно выше, чем в Европе, несмотря на традиционно низкие стандарты потребления. Все это усугубляется привычкой к уравниловке, недоверием и неприязнью по отношению к людям, занимающим активную экономическую, социальную и политическую позицию. Эти обстоятельства не могут быть просто проигнорированы. Это одна из причин, из-за которых попытка выстроить концепцию реформ в России по западноевропейским лекалам неизменно заходила в тупик.

Имея в анамнезе такое сложное социально-культурное наследие, Россия в вопросах социальной политики последовательно бросается из крайности в крайность: от социализма (в русском его понимании), когда частная инициатива любых субъектов, кроме бюрократического государства, полностью подавлена, но при этом государство берет на себя всю социальную ответственность, до «дикого капитализма», когда частная инициатива инкорпорированных в государство семей практически ничем не ограничена и не обременена, а государство фактически снимает с себя социальную нагрузку (модель 90-х годов прошлого века).

Исходя из имеющихся культурных и социально-экономических предпосылок, приемлемой для России моделью может быть только «социальный капитализм», то есть система, при которой сильным предоставляется максимальная свобода действий (эта небольшая, но активная часть населения должна исполнять роль локомотива российской экономики), но при этом они несут серьезные социальные обязательства по отношению к незащищенным слоям населения. При «социальном капитализме», в отличие от «русского социализма», фактическое социальное неравенство признается как объективная реальность, но при этом оно регулируется в интересах развития всего общества.

Основным инструментом регулирования в этом случае должны стать налоги, а не природная рента, как сегодня. Неспособность нынешнего бюрократического государства выстроить нормальную налоговую систему не является поводом отказываться от налогов как важнейшего регулятора социально-экономических отношений. При этом переход к пропорциональной системе налогообложения является не столько экономическим, сколько социальным, политическим и этическим вопросом. Это один из тех немногих механизмов, с помощью которого можно компенсировать последствия родовой травмы посткоммунистического общества, нанесенной несправедливой приватизацией. Это также позволит использовать природную ренту для решения стратегических задач – в первую очередь создания цивилизованной пенсионной

системы. Социальная политика будущей России должна учесть весь печальный опыт прошлого и избежать тех роковых ошибок, которые в конечном счете всегда приводили к революциям, ее лозунгом должно быть: «Свободу сильным, защиту слабым».

Конституционное (правовое) государство. Политическая система России нуждается в стратегическом реформировании. Имперская модель развития исчерпала себя, модель русского национального государства не сложилась. Переход от одного формата к другому не может произойти в один день. Это сложный многоэтапный процесс.

Преобразование российской государственности может быть осуществлено в рамках многоступенчатой конституционной реформы, где каждый «шаг» решает текущие неотложные задачи и одновременно создает базу для продвижения вперед. Стартовой точкой конституционной реформы является приход к власти демократических сил, обладающих достаточной политической волей и авторитетом, чтобы начать строительство национального государства на месте империи.

На первом этапе конституционной реформы должна быть проведена коррекция существующей политической системы с целью устранения последствий ранее реализованных конституционных контрреформ. К первоочередным мерам этого этапа конституционной реформы следует отнести восстановление сменяемости власти всех уровней (комплекс соответствующих поправок в конституцию и избирательные законы), осуществление радикальной судебной реформы, в том числе, но не ограничиваясь, – широкое внедрение суда присяжных в уголовное и гражданское судопроизводство, выборность председателей судов всех уровней, демократизация уголовного и гражданского судопроизводства (принятие новых процессуальных кодексов). Параллельно с этими задачами необходимо будет решать вопрос о реформе всей правоохранительной системы для того, чтобы обеспечить движение в сторону принципов и стандартов правового государства.

Успешная реализация первого этапа конституционной реформы должна создать условия для более основательных изменений основ конституционного строя, в том числе для начала реальной федерализации России на принципиально новых началах. Одновременно с этим должны решаться две взаимосвязанные задачи – создание сильного и ответственного правительства и реформа местного самоуправления. Не исключено, что решение этих задач потребует изменения формы правления и перехода от президентской к президентско-парламентской или парламентской республике. Для обеспечения последовательного и демократического решения этих стратегических задач, непосредственно завязанных на строительство в России основ русского национального государства, будет необходим созыв конституционного собрания (совещания), для чего должен быть принят соответствующий закон.

Наличие сильной, хорошо организованной конституционной партии, способной взять на себя миссию по организации и мобилизации сил русского гражданского общества, является необходимым условием успешности и эффективности такой конституционной реформы.

Глава 3

Что еще можно ждать от самого успешного революционного стартапа XX века?

Истоки русской революции уходят в глубины русской истории, однако её ход зачастую направлялся стечением случайных и даже невероятных обстоятельств. В конечном счете победил дерзкий большевистский проект, контуры которого стали отождествлять с контурами революции. Но русская революция шире этих искусственных рамок, потому что целое всегда больше одной своей частности. Итоги русской революции и итоги большевизма – не одно и то же, и поэтому их пока рано подводить.

Есть у революции начало, нет у революции конца...

Русская революция вписана в логику русской истории и является одним из семи ее главных событий. Она стоит в одном ряду с формированием вотчинного государства владими́ро-суздальскими князьями, соединением вотчинной системы с ордынской военно-административной машиной при московских князьях, сакрализацией власти на византийский манер при Иване Великом, перерождением вотчинной системы в опрично-самодержавную при Иване Грозном и ее модернизацией на западный манер Петром Великим.

Действительный смысл русской революции состоял в преобразовании имперской формы опрично-самодержавной системы в русский аналог европейского национального государства. Вне зависимости от того, насколько с высоты сегодняшнего дня мы считаем успешной или неуспешной эту миссию, русская революция вошла по праву в десятку наиболее значимых событий нового времени наряду с Великой французской революцией и борьбой американских штатов за независимость.

В двадцатом веке Россия пережила как минимум четыре революции и приблизительно столько же «дворцовых переворотов». Всмотревшись в них внимательно, можно заметить, что это не разрозненные события, а внутренне между собой связанные части единого процесса, который еще далек от завершения. Россия вплоть до сегодняшнего дня продолжает жить внутри этого процесса, как бы не замечая его. Ему гораздо больше чем сто лет, и юбилей революции – не более чем условность.

Русская революция началась гораздо раньше большевистского переворота, а момент ее завершения скрыт за видимым горизонтом истории. Октябрь 1917 года – это не столько точка отсчета, сколько сбой в системе, короткое замыкание внутри русской революции. После этого «короткого замыкания» движение революции стало напоминать работу подвисяющего компьютера, в котором программа «тормозит» на каждом следующем шаге.

Россия оказалась запаяна внутри революционной «исторической капсулы», которая сто с лишним лет падает на землю по длинной и сложной траектории. Ее вход в «социальную атмосферу» сопровождался грандиозной политической турбулентностью, последствия которой как сама Россия, так и весь мир до сих пор вспоминают с содроганием. Однако ее «посадка» может оказаться еще более жесткой и вызвать не менее масштабные потрясения, чем те, которые произошли в момент схода с орбиты.

Вопреки распространенному мнению, реставрационная фаза посткоммунизма может затянуться надолго, а у созданного Владимиром Путиным режима имеется достаточно ресурсов для поддержания стабильности. Но с точки зрения исторической перспективы это ничего не значит, потому что русская революция будет стремиться реализовать в полном объеме свои цели, невзирая на сопротивление. Рано или поздно поток прорвет плотину, это лишь вопрос

времени. Но если катастрофа 1917 года была своего рода «стресс-тестом» русской истории, то будущая катастрофа может оказаться ее «крэш-тестом».

Как это уже не раз бывало в русской истории, кризис, скорее всего, произойдет на пустом месте, не столько по рациональным, сколько по иррациональным и даже в некоторой степени мистическим причинам. Он станет следствием развертывания скрытой логики русской революции, а не логики поверхностных политических и экономических процессов. Произошедшее будет описано потомками гениальной формулой Виктора Черномырдина: «Никогда такого не было, и вот опять!»

Невыполненная миссия и «советский проект»

Русская революция – явление объемное, у нее есть три ярко выраженные составляющие: культурная, социальная и политическая. Когда в России началась перестройка, а вместе с ней и переосмысление всего советского опыта, массовое сознание очень быстро свалилось в стадию «первого отрицания», то есть оценивало русскую революцию как явление во всех смыслах негативное, как трагическую ошибку и выпадение из общего контекста русской и мировой истории.

Со временем однозначность посткоммунистического отрицания исторической значимости русской революции стала подвергаться коррозии, но все это не касалось ее политической составляющей. В отношении нее сформировался прочный общественный консенсус – политические следствия русской революции до сих пор однозначно оцениваются представителями самых разных, зачастую конфликтующих лагерей, как катастрофические. Видимо, настало время сказать, что даже в этом вопросе все выглядит не так однозначно.

Политической целью русской революции было устранение самодержавия и создание русской версии национального государства. Эту миссию ей выполнить не удалось. Уже спустя несколько десятилетий после начала революции самодержавный паттерн практически полностью восстановил себя в новом обличье, припудренный марксистско-ленинской мифологией, сыгравшей роль заместительной терапии русского православия. На коротком историческом отрезке времени, где-то между 1989 и 1993 годами, показалось, что этот паттерн может быть все-таки разрушен, но все последующие годы он лишь собирал себя по частям, чтобы снова воскреснуть в формате путинской посткоммунистической реставрации.

Современная Россия, как никогда, похожа не столько на СССР с его непробиваемой тоталитарностью, сколько на царскую Россию эпохи упадка с ее политической эклектичностью, в которой непрекращающиеся репрессии уживались с относительной свободой политической деятельности, в первую очередь – с достаточно большой по сравнению с советскими временами свободой слова и печати. За сто лет Россия проделала полный исторический круг, не получив никакой добавленной политической стоимости. Перед страной стоят те же задачи, что и век тому назад, но выполнять их придется в новых культурных и исторических условиях.

Но если миссия оказалась невыполненной, это не значит, что она была невыполнимой. Более того, это даже не значит, что для выполнения этой миссии революция совсем ничего не сделала. Зачастую в деталях прячется не только дьявол. Чтобы оценить реальные политические достижения русской революции, необходимо более внимательно всмотреться в подробности ее главного политического детища – «советского проекта».

«Советский проект» является недооцененным активом русской истории. В политическом отношении он в лучшем случае рассматривается как потерянное для истории время, в худшем – как глубокая политическая деградация по сравнению с предшествующим историческим периодом. Но историческое, в том числе политическое, развитие в России в советскую эпоху не останавливалось ни на минуту. Другое дело, что оно протекало в извращенных формах и было крайне противоречивым.

Хотя революция не решила задачу устранения самодержавия, но в чертежах советского проекта она обозначила основные направления ее решения. Этими основными направлениями были: республиканизм, федерализм и парламентаризм.

Историческая заявка была сделана, хотя до воплощения ее в жизнь дело так и не дошло. К сожалению, в рамках самого «советского проекта» ни один из элементов триады так и не стал реальностью. Под влиянием большевистской идеологии русская революция, словно самолет, идущий на посадку в загруженный аэропорт, была переведена «в зону ожидания», где и нарезала круги почти семь десятилетий. Но когда наконец революции будет дано разрешение на посадку, экипажу будущей России придется заходить на глиссаду, ориентируясь на эти три индикатора, заложенных в «советском проекте».

Республиканизм. Принимая во внимание русскую политическую традицию персонализации и сакрализации любой государственной власти, само сохранение республиканской формы спустя бурное столетие следует признать несомненной заслугой русской революции и главным политическим достижением «советского проекта». В республике легче осуществить последовательное разделение светской и духовной (религиозной, идеологической) власти, без которого все другие формы разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной) теряют практическое значение. Если русская революция и заслуживает какого-либо праздника, то единственным исторически оправданным названием для него является «День Республики».

Федерализм. Мне неоднократно приходилось высказываться по поводу того, что самодержавие в России как политическая форма является лишь функцией по отношению к способу, которым соединены между собой необъятные российские территории, возникшие вследствие многовековой колонизации русским народом сопредельных пространств¹.

Не вдаваясь здесь в излишние подробности, отмечу только, что в практическом плане, с моей точки зрения, при нынешней территориально-государственной организации, фактически остающейся неизменной с екатерининских времен, Россия ни в какой другой форме, кроме самодержавной, то есть в форме сверхцентрализованного государства с имеющей сакральное значение гиперперсонализацией власти, существовать не может. Ко всему ранее мною сказанному добавлю только, что необходимость постоянно перераспределять огромные материальные ресурсы, сначала изымаемые с мест в центр, а потом возвращаемые из центра на места, приводит к тому, что политическая власть намертво «прилипает» к деньгам и сосредотачивается в «распределительном центре». Поэтому все попытки «демократизировать» Россию, сохраняя имеющееся территориально-государственное устройство и перераспределительную функцию центра по отношению к территориям, являются политической утопией. Какую бы политическую форму ни нахлобучили на этот каркас, она рано или поздно приобретет до боли знакомый исторический облик, и нет никакого значения, кто будет находиться в сердцевине этой системы – император, генеральный секретарь или президент, тем более не важно, какая у него будет фамилия. Россия снова и снова будет возвращаться на круги своя до тех пор, пока не осуществит радикальную, не декларативную, а реальную федерализацию и не рассредоточит власть между пятнадцатью-двадцатью крупными территориальными образованиями, способными быть самодостаточными субъектами новой федерации. Это невероятно сложный и рискованный, но единственно возможный путь, позволяющий русской революции выполнить свою миссию.

Парламентаризм. Перемена самих оснований российской государственности, возникновение финансово и политически самодостаточных субъектов внутри нее потребует нового, более гибкого способа их интеграции, позволяющего удерживать эти субъекты в рамках единого политического пространства, предотвращая распад России. С этой задачей больше шансов имеет справиться парламентская или президентско-парламентская республика, поскольку

¹ republic.ru/posts/82329.

они предлагают более гибкий механизм представительства и согласования местных и общих интересов. Переход к ней представляется мне закономерным следствием децентрализации и федерализации российской государственности.

Соединенные Штаты Евразии

С большой долей вероятности можно предположить, что завершение реставрационного посткоммунистического проекта Владимира Путина, когда бы это ни случилось – через несколько лет или через несколько десятилетий, – будет свидетельствовать о выходе русской революции на финишную прямую. На этом завершающем отрезке пути она должна будет доделать ту работу, которую начала сто лет назад. Парадоксальным образом это приведет не столько к возвращению в исходную точку, сколько к реанимации и перезапуску «несоветского проекта» с его формально продекларированной, но так и не реализованной на практике политической триадой – республика, федерализм, парламентаризм. Если России суждено прожить еще одну политическую жизнь, то в этой жизни она будет Евразийским союзом.

Русская революция и сегодня никуда не делась. Просто она существует в отрицательной форме, как русская контрреволюция, активная фаза которой началась в 2013–2014 годах. В практическом плане в связи с этим имеется два глобальных сценария развития России в XXI веке – торможение или ускорение революции.

Первый, наиболее вероятный сценарий – это проект «управляемая контрреволюция». В рамках этого сценария власть с большей или меньшей эффективностью будет продолжать делать то, что она делает сегодня, удерживая ситуацию под контролем методом «кнута и пряника», чередуя заморозки с оттепелью, репрессии – с помилованиями, пока в конце концов не сорвется в неуправляемый штопор революции. Чем позже это произойдет, тем меньше у России будет шансов сохраниться как единое суверенное государство.

Второй сценарий, гораздо менее вероятный, но теоретически возможный, предполагает осознанный переход к «управляемой революции», то есть возвращение к логике перестройки после двух неудачных попыток. В практическом отношении это означает запуск радикальной конституционной реформы, на выходе из которой Россия должна стать не меньше и не больше как Соединенными Штатами Евразии, то есть реально федеративной и парламентской (парламентско-президентской) республикой. Это чрезвычайно трудный и рискованный путь, требующий невероятного напряжения сил всего российского народа и большого мужества со стороны политических элит, но это единственный путь, который позволит русской революции совершить мягкую посадку, а не врезаться на полном ходу в землю.

Глава 4

«Смерть Сталина» – несмешная история революции

Многообразие «судьбоносных поворотов» российской истории в XX веке может быть интерпретировано как последовательность различных стадий растянувшегося более чем на полтора столетия внутренне единого революционного процесса, представляющего собой череду «революций» и «контрреволюций», перемежаемых достаточно длительными «плато стабильности». При этом у каждого из значимых периодов в этом диапазоне есть своя историческая предтеча, своего рода последняя точка отсчета.

Современные российские политические реалии непосредственно произрастают вовсе не из 1993-го (как многим кажется) и даже не из 1991 года, а из событий далеких весны-лета 1953 года. Эти события являются «недооцененным активом» российской истории. Значение их выходит далеко за рамки представлений о «политическом перевороте», в которые их упорно пытаются втиснуть в течение полувека. Это переломный пункт советского периода российской истории, и он требует соответствующего к себе отношения.

Выражаясь современным языком, Сталин умер, не осуществив операцию «Преемник». После его смерти на вершине пирамиды власти оказались три вождя, каждый из которых в равной степени мог претендовать на роль лидера: Берия, Маленков и Хрущев. При этом с чисто «практической» точки зрения Хрущев имел наименьшие шансы, но именно он и стал победителем. Это тем более удивительно, что победил он человека, которому очевидно уступал как по своим волевым, так и по интеллектуальным качествам. Впрочем, морально он его все-таки превосходил.

Общепринятые представления о Берии как о примитивном похотливом садисте не очень соответствуют действительности. Так же далеки от реальности представления о Хрущеве как об инициаторе «десталинизации». Все обстояло как раз наоборот. Буквально через несколько дней после смерти Сталина Берия, возглавивший объединенное МВД-МГБ, создал внутри ведомства четыре комиссии по пересмотру, как сейчас бы сказали, самых «резонансных» дел того времени, в том числе знаменитого «дела врачей», «дела Михоэлса и Еврейского антифашистского комитета» и других.

Более того, Берия стал слать в Президиум ЦК КПСС одну за другой докладные записки с информацией о «вскрытых» нарушениях законности, требуя принять срочные меры по их исправлению. Члены Президиума ЦК во главе с Хрущевым и Маленковым оказались совершенно не готовы к этим инициативам и пассивно им сопротивлялись. Чтобы подстегнуть Президиум ЦК к действиям, Берия начинает дублировать информационные сообщения, издаваемые от имени партии, собственными «пресс-релизами», издаваемыми от имени МВД, которые имеют гораздо более радикальное звучание.

Вот что пишет по этому поводу в своих воспоминаниях Павел Судоплатов: «Сообщение МВД для печати об освобождении арестованных врачей значительно отличалось от решения ЦК КПСС. В этом сообщении Берия использовал более сильные выражения для осуждения незаконного ареста врачей. Однако его предложения по реабилитации расстрелянных членов Еврейского антифашистского комитета были отклонены Хрущевым и Маленковым. Члены ЕАК были реабилитированы лишь в 1955 году. Предложения Берии по реабилитации врачей и членов ЕАК породили ложные слухи о его еврейском происхождении и о его связях с евреями. В начале апреля 1953 года Хрущев направил закрытое письмо партийным органи-

зациям с требованием не комментировать сообщение МВД, опубликованное в прессе, и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях»².

Этим, однако, активность Берии не ограничилась. Практически не делая паузы, он выступает с целым комплексом инициатив, которые историки окрестили «реформами Берии». Помимо таких «либеральных» мер, как массовая амнистия и пересмотр знаковых уголовных дел, они включали ограничение партийного вмешательства в государственную жизнь и особенно в управление экономикой; объединение Германии и в целом свертывание программы строительства социализма в Восточной Европе; ограничение насильственной русификации национальных окраин и другие.

С высоты сегодняшнего дня видно, что наиболее радикальные предложения «реформы Берии» намного опередили свое время и предвосхитили внутривнутриполитические и внешнеполитические инициативы Горбачева. Тем более интересно отметить, что формально Берия был отстранен от власти не столько за произвол и репрессии, сколько именно за эти начинания, отвергнутые партией как отступление от сталинизма и либерально-буржуазное перерождение.

Впрочем, картина была более сложной. Если судить по стенограмме внеочередного Пленума ЦК, состоявшегося 2–7 июля 1953 года, выдвинутые против Берии обвинения были противоречивы. С одной стороны, Берии в вину были поставлены именно его радикальные инициативы, оцененные соратниками как буржуазные. С другой стороны, главное обвинение, выдвинутое против Берии, все-таки касалось попытки узурпировать власть в стране при помощи выведенных из-под партийного контроля правоохранительных органов³.

Несмотря на справедливое отвращение, которое вызывает к себе личность Берии, чтение стенограммы «партийного судилища» над ним оставляет не менее тягостное впечатление. Несколько десятков функционеров с безвозвратно утерянной способностью к самостоятельному мышлению обвиняли Берию во всех смертных коммунистических грехах, ставя под подозрение его вполне разумные с точки зрения современного русского человека начинания. По сути, победа Хрущева над Берией была победой ханжества над цинизмом.

Парадокс состоит в том, что Берия оказался в высшем руководстве страны единственным в своем роде «свободным» человеком. Полностью нравственно разложившись, он смотрел на жизнь с практичностью мясника, избавленного от любых иллюзий, в том числе и «отряхнувшего с ног своих» прах коммунистической мифологии. Он был прагматиком и презирал догматиков. Обладая стратегическим талантом и незаурядной смелостью, он уже только в силу занимаемого им положения был лучше других информирован о том, что экономика страны подорвана, и о том, что в затравленном обществе зреет глухое раздражение. По этим же причинам он не мог не знать и о своей «непопулярности» и поэтому решил сыграть на опережение, проявив первым инициативу в деле «десталинизации». Он готов был пойти на уступки в идеологии, чтобы сохранить свою главную привилегию – право творить произвол, право осуществлять расправу над любым оппонентом без суда и следствия, право внушать страх.

Хрущев, напротив, был типичным представителем того большинства, которое стало жертвой почти полувековой непрерывной идеологической обработки и в сознании которого здравый смысл уродливым образом смешался с коммунистическими догматами. Дело не только в том, что Хрущев и другие члены руководства панически боялись Берии, но и в том, что они реально не понимали смысла его поступков. Особенно ярко это проявилось в полемике по вопросу об объединении Германии, которую Берия готов был «отдать» в обмен на гарантии ее нейтралитета. Тут было все: и догматическое тупоумие (Молотов: «Мы глаза таращили...

² Судоплатов Павел. Спецоперации. Падение Берии и мой арест. // www.hrono.ru/libris/lib_s/beria.html.

³ Так, Хрущев заявил на Пленуме: «Ему нужен был пост для того, чтобы взять в руки этот орган бесконтрольный... Потому что, имея Особое совещание в своих руках, он на любого человека имел право. Он сам говорил: я могу любого человека заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем или королевой. И он это делал». (*Лаврентий Берия*. 1953. Документы. М., 1999. С. 90).

какая может быть в глазах члена Политбюро ЦК нашей партии буржуазная Германия»), и озарения ограниченного крестьянского практицизма (Хрущев: «Берия говорит, что мы договор заключим. А что стоит этот договор? Мы знаем цену договорам. Договор имеет силу, если подкреплён пушками»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.